

*В. Д. Дмитриева**

II ВАТИКАНСКИЙ СОБОР В ИСТОРИИ КАТОЛИЦИЗМА: СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ЦЕРКВИ

Политическая доктрина католицизма является частью социального учения церкви и представляет собой корпус текстов, отражающих позицию Святого престола по вопросам политического характера. Католическая доктрина опирается на такие принципы, как солидарность, субсидиарность и общее благо. Однако учение содержит и положения преходящего характера, отвечавшие потребностям церкви в определенные исторические моменты, в связи с чем можно выделить несколько этапов его формирования. Начальной точкой становления современного состояния доктрины католицизма выступает II Ватиканский собор (1962–1965). Среди наиболее значимых результатов принятия и имплементации соборных решений: определение характера взаимоотношений церкви и государства, признание демократии наилучшим из существующих политических режимов, а также придание католическому учению глобального статуса. Последний пункт напрямую связан с инкорпорированием в доктрину проблематики прав человека, в том числе защиты религиозной свободы.

Ключевые слова: политическая доктрина католицизма, общее благо, солидарность, субсидиарность, II Ватиканский собор, демократия, свобода религии.

V. D. Dmitrieva

THE II VATICAN COUNCIL IN THE HISTORY OF CATHOLICISM: THE FORMATION OF THE MODERN POLITICAL DOCTRINE OF THE CHURCH

The political doctrine of Catholicism is a part of the social teaching of the Church. It is a body of texts reflecting the position of the Holy See on issues of a political nature. Catholic doctrine is based on principles of solidarity, subsidiarity and the common good. However, the teaching also contains provisions of a transitory nature that met the needs of the Church at certain historical moments, in connection with which several stages of its formation can be distinguished. The starting point of the formation of the modern doctrine of Catholicism is

* Дмитриева Валерия Денисовна, младший научный сотрудник, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН; ms.valeria.spb@mail.ru

the II Vatican Council (1962–1965). Among the most significant results of the adoption and implementation of the Council's decisions are the definition of the nature of the relationship between the Church and state, the recognition of democracy as the best of the existing political regimes, as well as giving the Catholic teaching a global status. The last point is directly related to the incorporation of human rights issues into the doctrine, including the protection of the freedom of religion.

Keywords: political doctrine of Catholicism, common good, solidarity, subsidiarity, II Vatican Council, democracy, freedom of religion.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ЦЕРКВИ

В наиболее широком понимании социальное учение католицизма есть корпус церковных документов (преимущественно папских текстов), которые сфокусированы на христианском осмыслении принципа социальной ответственности [18, р. 1]. Данное учение, распространение которого осуществляется в рамках евангелизации, является ответвлением моральной теологии — богословской дисциплины, поднимающей вопросы «о нравственности, о добре и зле человеческих поступков и о личности, которая их совершает» [19]. Поскольку католическое учение руководствуется не только религиозной составляющей (верой), но и разумом, а также предоставляет ориентиры для практической деятельности, оно может быть названо доктриной [13, р. 5–7].

В отечественном религиоведении социальное учение церкви рассматривается как совокупность концепций, затрагивающих различные сферы человеческой жизни (прежде всего политическую, экономическую и этическую) и обретших конкретное выражение в документах Святого престола. Отличительной чертой этого учения считается смещение фокуса внимания с духовного на общественное измерение [5, с. 15].

В свою очередь, в российской политологии под католической социальной доктриной в широком смысле понимается единый комплекс поступательно развивающихся в ходе церковной истории идей и теорий, касающихся системы общественных отношений. В узком смысле доктрина католицизма является политической — представляет собой корпус текстов, отражающих позицию Святого престола по вопросам политического характера (например, связанных с границами государственной власти) [10, с. 32–33].

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Принимая во внимание различие существующих культурных парадигм, католицизм настаивает на возможности выявления посредством рационального анализа неизменных структур — предшествующих общественной жизни понятий, определяющих обстоятельства ее возникновения и конечную цель [25, р. 45]. Эти элементы находят свое выражение в принципах устройства социума, базовыми из которых служат солидарность, субсидиарность и общее благо (*bonum commune*).

Общее благо понимается церковью как «совокупность тех условий общественной жизни, которые позволяют и обществам, и отдельным их членам полнее и быстрее достигать своего совершенства» [4, с. 471]. Общее благо, заключенное в качестве межличностных отношений, не может быть сведено к сумме индивидуальных благ. Оно предполагает разделение между членами сообщества ответственности за совместную реализацию как потенциала социума, так и индивидуальных возможностей [20, р. 288].

Область применения и конечные цели *bonum commune* ограничены основополагающими правами личности, нарушение которых порождает несправедливые социальные структуры, препятствующие соблюдению христианских заповедей [8, с. 446]. Минимальное содержание человеческого достоинства раскрывается в трех элементах: 1) наличие внутренней ценности каждого индивида в силу присущей ему природы; 2) признание и уважение этой значимости другими людьми; 3) утверждение позиции, согласно которой государство существует ради граждан, а не наоборот [21, р. 342].

Следующий принцип — солидарность — представляет собой моральный долг помогать более «слабым» членам сообщества, не умаляя их достоинства [20, р. 289]. В то же время солидарность является добродетелью, которую индивиды практикуют в общественных отношениях [14, р. 18]. Данный принцип отрицает как коллективизм, отводящий человеку роль объекта воздействия социально-экономических сил, так и индивидуализм, понимающий общество в качестве механизма согласования частных интересов [12, с. 39].

Применение солидарности проходит несколько стадий: осознание «антропологической данности» рассматриваемого принципа, превращение его в нравственный императив и закрепление в законодательстве и работе политических институтов [14, р. 15–17]. Солидарность была перенесена Иоанном Павлом II и на глобальный уровень: понтифик подчеркнул, что взаимное уважение и «основополагающее равенство» всех народов и наций является главным условием целостного мирового развития [12, с. 40–41].

Последний принцип — субсидиарность — заключается в реализации возможностей субъектов на каждом из организационных уровней при обязанности власть имущих координировать продвижение к общему благу [2, с. 201]. Этот принцип защищает человека и малые группы от превышения полномочий со стороны более крупных социальных образований, одновременно гарантируя помощь «сверху», если нижние инстанции не справляются самостоятельно [12, с. 51–52].

Неверное понимание или отрицание принципа субсидиарности приводит к формированию дихотомии: либо потребности индивидов полностью удовлетворяются государством, либо люди не получают поддержку со стороны политического сообщества [20, р. 290]. В связи с этим католическая доктрина делает акцент на «промежуточных институтах власти» — добровольных независимых объединениях граждан, созданных в целях реализации права на участие в принятии общезначимых решений [3, с. 338–339].

В целом осуществление обозначенных принципов нуждается во власти, занимающейся как вопросами устойчивого развития, так и принятием мер в ситуации нестабильности. Согласно доктрине католицизма, упорядочивание

общественной жизни требует признания «трансцендентной истины», в равной степени обязывающей и саму власть, и граждан [12, с. 47–48]. Церковь, пользующаяся исключительно религиозным авторитетом, в случаях создания условий, препятствующих соблюдению нравственных норм, должна выносить суждения относительно возникающих в обществе проблем [9, с. 18].

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ДОКТРИНЫ

Социальное учение католицизма, изначально не позиционировавшееся в качестве единого комплекса воззрений, формировалось в течение долгого времени благодаря включению в магистерий (*magisterium*) вопросов общественного устройства и развития. Католическая доктрина содержит не только неизменные принципы, но и положения преходящего характера, отвечавшие потребностям церкви в определенные исторические моменты [18, р. 11]. Это свидетельствует о динамичном характере учения и его зависимости как от внешней среды, так и от внутриконфессиональных процессов.

При анализе политической доктрины католицизма важно учитывать не только отсутствие общепринятого определения понятия, но и множественность подходов к периодизации развития церковного учения.

Например, представитель моральной теологии Р. МакКормик выделил три этапа формирования католической социальной доктрины, начало которым положили: 1) энциклика Льва XIII *Rerum novarum* 1891 г., характеризующаяся использованием дедуктивного метода, не предполагавшего обращение к материалам общественных наук; 2) работы Пия XI и Пия XII — становление социальной философии, базирующейся на органической концепции общества; 3) документы Иоанна XXIII, нацеленные на интерпретацию конкретных исторических моментов в свете Евангелия, индуктивный метод [24, р. 42–43].

Согласно подходу социолога религии Х. Казановы, именно понтификат Иоанна XXIII маркировал переход к современному периоду развития политической доктрины церкви. Это связано с инкорпорированием в католическое учение концепции прав человека, а также расширением содержания папских посланий через освещение конфликтного взаимодействия по линиям «Запад — Восток» и «Север — Юг». В энциклике *Pacem in terris* 1963 г. наместник Святого престола впервые обратился «ко всем людям доброй воли» [27, р. 126]. Более того, Иоанн XXIII созвал II Ватиканский собор (1962–1965), решения которого определили вектор дальнейшего развития церкви.

В соответствии с позицией польского теолога Ю. Майки, проведение в указанное время собора, осуществившего «официальную кодификацию» католической доктрины, было обусловлено изменениями, произошедшими после Второй мировой войны. Причем требовалась не регистрация преобразований в различных сферах общественной жизни, а придание динамики учению церкви [9, с. 378]. Дж. Альбериги — бывший директор Института религиозных исследований в Болонье — определил в качестве цели созыва II Ватиканского собора предполагавшее различие «знамений времен» от-

деление базовых принципов католического учения от их применения в конкретных условиях [6, с. 4].

В свою очередь, советские исследователи Л. Н. Великович, М. П. Мчедлов, А. А. Радугин, И. Б. Ястребов и др. выделили среди причин проведения собора: 1) усиление секуляризации; 2) системный кризис католицизма и необходимость осмысления тенденций общественного развития; 3) эволюцию католической социальной философии; 4) антагонизм между Ватиканом и странами социалистического лагеря. Последний аспект во многом являлся «идеологическим требованием времени» [11, с. 97]. Однако следует учитывать, что к началу 1960-х гг. базировавшаяся на антикоммунистической направленности модель взаимной поддержки церкви и западных политических институтов пришла в упадок, что актуализировало вопрос об универсализации роли католицизма [6, с. 5].

В связи с этим II Ватиканский собор исходил из признания одновременно богатства и адаптивности католической традиции. Указанный подход нашел отражение в трех понятиях, определивших специфику проведения соборных сессий: *aggiornamento* (обновление, для которого собрание епископов выступило не конечной, а отправной точкой), развитие, или прогресс и *ressourcement* — возвращение к истокам и, в частности, к коллегиальности [23, р. 37–43]. Реализация *aggiornamento* не сводилась к следованию стандартам «внешнего» мира, а предоставляла возможность использования теологических ресурсов для последовательной критики культуры современности [26, р. 19].

ИТОГИ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

Несмотря на значимость целостного восприятия и интерпретации соборных документов, исследование эволюции социальной доктрины католицизма требует остановиться на изложении лишь некоторых из них.

Во-первых, папская конституция *Gaudium et spes*. Она постулирует отсутствие привязки католической веры к какой-либо политической, экономической, культурной и иной системе, что создает запрос на обеспечение условий евангелизации при различных моделях государственно-конфессиональных отношений [29, р. 160–162]. Одновременно такая специфика позволяет церкви в ситуации возрастающего неравенства между отдельными людьми и народами позиционировать себя в качестве площадки для достижения «глобального компромисса» [10, с. 152].

Gaudium et spes направлена не на рассмотрение частных вопросов и выработку прикладных рекомендаций, а на анализ социальной проблематики в целом. Данный факт объясняется тем, что принятие полноты церковного учения не может быть приравнено к согласию относительно средств его реализации: взгляды верующих на политические и правотворческие инициативы могут значительно отличаться, поскольку зависят от «индивидуального разумного суждения» [17, р. 109].

Согласно католическому учению, человек по своей природе нуждается в совместной жизни с другими людьми, естественными формами которой служат семья и политическое сообщество. Поскольку индивид является

точкой отсчета и целью функционирования социальных институтов, они понимаются одновременно как результат человеческих усилий и как фактор, влияющий на формирование личности [4, с. 470–471]. В связи с этим на христиан возлагается обязанность привнесения евангельских ценностей в сферу политики, что выражается в стремлении установить порядок, гарантирующий соблюдение прав личности, среди которых — участие граждан в управлении государством [4, с. 530].

Обобщение приведенных положений *Gaudium et spes* позволило церкви, сохранив критическое отношение к некоторым позициям либерализма, признать демократию наилучшим из существующих политических режимов. Это способствовало включенности верующих в публичную политику, а также легитимировало оппозиционную активность католического населения в ситуациях выхода государственной власти за пределы своей компетенции [10, с. 153–154]. В конституции сделан акцент на том, что политическое сообщество, базирующееся на человеческой природе, в определенной степени зависит от Божественного порядка — автономность государства не должна исключать сотрудничества с церковью в целях совместного продвижения к общему благу [4, с. 532–536].

Gaudium et spes отмечает также необходимость снижения социально-экономического неравенства, приводящего к нарушению мира. В качестве способа преодоления кризисных ситуаций предлагается устранение всех видов дискриминации через вовлечение как можно большего числа людей в управление экономическим ростом (субсидиарность). Это подразумевает не только создание свободных объединений граждан и их координацию с властями, но и интеграцию мигрантов в принимающее общество. Пастырская конституция призывает помогать как отдельным индивидам, так и целым народам средствами, стимулирующими их самостоятельное развитие [4, с. 520–526].

Рассмотрение обозначенной тематики было продолжено Павлом VI в социальной энциклике *Populorum progressio* 1967 г., направленной на поддержку стран «третьего мира» (солидарность). Согласно данному документу, общественные проблемы, в том числе возникшие вследствие колониализма, должны быть решены путем «прогресса народов», а задача церкви заключается в защите интересов беднейших слоев населения [1, с. 416]. Папой была предложена программа сотрудничества, включавшая проведение комплексных исследований для выработки планов интегрального развития различных государств [9, с. 406–408].

Завершая анализ *Gaudium et spes*, следует подчеркнуть, что в пастырской конституции прослеживается параллель между реализацией Божественного замысла постепенного «собираения» человечества в единую христианскую семью и глобализацией как усилением взаимозависимости людей [22, р. 397–399]. В связи с этим особое внимание католицизм уделяет проблеме поддержания мира, подчеркивая значимость деятельности международных организаций по обеспечению всеобщей безопасности [4, с. 538–543].

Во-вторых, важнейшим результатом II Ватиканского собора является подписание декларации *Dignitatis humanae*, провозглашающей принцип, по которому ни один человек не должен подвергаться принуждению со стороны других

индивидов, социальных групп или земной власти в вопросах, затрагивающих область религии. Причем ранее Святой престол выстраивал следующую линию аргументации: поскольку католицизм является подлинной верой, его обязаны принять все люди, но не насильственным способом, а вследствие совпадения свободы и моральной долга искать истину [29, p. 163–164].

Не отказываясь от политических привилегий католической церкви, Пий XII стал первым папой, который использовал термин «здоровая светскость» (*sana laicità*) и рассматривал основания для обеспечения религиозного плюрализма. Включение обозначенного понятия в политический дискурс католицизма было связано со становлением тоталитарных режимов, при которых секулярное государство или партия требовали от граждан «квазирелигиозной лояльности». Это вызвало ответную реакцию Святого престола — указание на ограниченность компетенций политического сообщества и необходимость защиты человеческого достоинства и свободы [15, p. 46].

В свою очередь, Иоанн XXIII в энциклике *Pacem in terris* прописал диктуемое совестью право человека исповедовать свою веру как в частном порядке, так и публично [28, p. 40–41]. Это было подтверждено в декларации *Dignitatis humanae*, определившей в качестве источника обозначенного права достоинство личности, признаваемое как Откровением, так и разумом, и в равной степени присущее всем людям [4, с. 337–338]. С теологической точки зрения данный шаг ознаменовал переход от защиты свободы церкви (*libertas ecclesiae*) к отстаиванию персональной свободы (*libertas personae*) [27, p. 130].

Посредством *Dignitatis humanae* было достигнуто «промежуточное положение» между кругом концептуальных вопросов, касающихся соотношения канонического, международного и естественного права, и спецификой конкретных институтов, политик и дипломатических тактик. Декларация, акцентируя внимание на линиях соединения человеческого достоинства с обозначенными полюсами, сделала несколько выводов юридического и политического характера [28, p. 42–43]. Среди них — необходимость правового закрепления религиозной свободы и создания условий для ее реализации, включая юридическое равенство граждан, выполнение требований законной власти и распределение ответственности между различными акторами, согласно их вкладу в общее благо [4, с. 341–344].

Свобода вероисповедания, общественная мораль и социальный мир позиционируются в декларации как области, в которые государство призвано вмешиваться, благоприятствуя религиозности, но не опираясь на принуждение — не предписывая акты веры и не запрещая действия, не нарушающие справедливый общественный порядок [4, с. 339]. При этом в документе не исключается возможность придания официального статуса какому-либо вероучению, что не освобождает государство от обязанности признавать права людей, придерживающихся иных религиозных убеждений [29, p. 168–170].

В соответствии с *Dignitatis humanae*, светские власти не должны занимать враждебную или индифферентную позицию в отношении религии, которой отводится собственное место в публичном пространстве. Более того, заданные религией «моральные рамки» должны быть отражены в законодательстве, которое при демократическом правлении требует определенной степени со-

гласия населения. В связи с этим предполагается, что в гомогенных обществах политика и право носят однородный характер, в то время как в ситуации плюрализма верующие для реализации собственных взглядов на достижение общего блага могут образовывать политические коалиции [15, р. 83–84].

В-третьих, при проведении анализа эволюции социальной доктрины католицизма необходимо также отметить, что инициированные Иоанном XXIII обновление церкви (*aggiornamento*) и политика открытости миру (*aperturismo*) были направлены на изменение средств передачи, а не фундаментальных основ учения [16, р. 187]. В связи с этим собором был принят документ, посвященный инкорпорированию медиа в процесс продвижения католической доктрины — декрет *Inter mirifica*.

Не умаляя ценность непосредственного общения, обозначенный документ указывает на право и долг церкви применять технические изобретения для проповеди Евангелия. В связи с этим делается акцент на моральной ответственности людей, участвующих в производстве и передаче сообщений, за «формирование и распространение верного общественного мнения». Среди выдвинутых в декрете *Inter mirifica* инициатив — увеличение числа учебных заведений, в которых медиаобразование соотносится с католической доктриной, и учреждение ежегодного Всемирного дня социальных коммуникаций [4, с. 61–72].

В Ы В О Д Ы

Отсутствие единого подхода к определению социального учения католицизма не только не элиминирует значимость исследования указанного понятия, но и предоставляет возможность сфокусировать внимание на его политической составляющей. Святой престол, апеллируя к религиозной идентичности индивидов, стремится к оказанию опосредованного влияния на сферу политики. В связи с этим можно говорить о существовании «политической доктрины как самостоятельной части социального учения церкви» [10, с. 35].

В рамках католической доктрины социальные изменения рассматриваются не столько как результат объективных процессов, сколько как последствия принятых индивидами и группами на различных организационных уровнях решений. Исходя из этого, католицизмом были разработаны базовые принципы общественного устройства: общее благо, солидарность, а также субсидиарность — проявление потребности в «хорошем управлении» (*good governance*) [25, р. 55]. Указанные принципы понимаются в качестве критериев практической мудрости, которые должны быть реализованы для привнесения в общественную жизнь христианской ответственности [18, р. 39].

Анализируемая доктрина прошла в своем развитии ряд этапов, характеризующихся сменой тематик и взглядов на решение общественно-политических проблем. Точкой отсчета современного периода служит II Ватиканский собор, сформулировавший подход, согласно которому церковь находится над миром, но должна действовать в нем.

Это позволило Святому престолу заменить «политику конкордатов», направленную на получение новых или удержание уже имеющихся привилегий,

практикой достижения договоренностей с государствами по конкретным вопросам. Необходимость обеспечения условий для проповеди Евангелия, важнейшим из которых является состояние мира, предопределила обращение католицизма к проблеме ослабления международной напряженности. К примеру, во время понтификата Павла VI ватиканскими делегациями были подписаны Договор о нераспространении ядерного оружия 1971 г. и Хельсинский Заключительный акт [1, с. 420–423]. В свою очередь, стремление к всеохватности социально-политической доктрины церкви стимулировало включение в нее большего количества вопросов, к числу которых можно отнести анализ глобального неравенства, прав и свобод человека, нравственных норм использования медиа.

Подводя итог, важно отметить, что II Ватиканский собор, опираясь на традиционные послышки и инкорпорируя элементы аргументации предшествующих понтификатов в сложившийся ко второй половине XX в. общественно-политический, культурный, интеллектуальный и иной контекст, предложил новое видение католической доктрины, не отказавшейся от претензий на истинность, полноту учительства и универсальность. К важнейшим результатам собора следует отнести определение характера взаимоотношений католицизма и государства: церковь и политическое сообщество автономны друг относительно друга, однако должны сотрудничать в целях продвижения к общему благу; признание демократии в качестве наилучшего из политических режимов; а также придание католическому учению глобального статуса через выработку достаточно гибкой позиции по вопросу этнических, региональных и иных различий [10, с. 160]. На II Ватиканском соборе был не только задан вектор дальнейшего развития церковной доктрины, но и заложен механизм легитимации политики, проводимой Святым престолом, — провозглашение папами верности соборному курсу [7, с. 810].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гергей Е. История папства / Пер. с венгр. О. В. Громова. — М.: Республика, 1996. — 463 с.
2. Голубев К. И. Основные аспекты позиционирования католического социально-экономического учения в энцикликах Папы Римского Франциска // Христианское чтение. — 2016. — № 5. — С. 187–206.
3. Де Лобье П. Три града. Социальное учение христианства / Пер. с фр. Л. А. Торчинского. — СПб.: Алетейя, 2000. — 412 с.
4. Документы II Ватиканского Собора / Пер. с лат. А. Н. Ковалея; 3-е изд. — М.: «Паолине», 2004. — 712 с.
5. Илюхина В. В. Развитие социальной доктрины католицизма в начале XXI в.: философско-религиоведческий анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. — М., 2017. — 172 с.
6. История II Ватиканского собора: В 5 т. — Т. I. Навстречу новой эре в истории католичества / Под. общ. ред. Дж. Альбериги, А. Бодрова, А. Зубова. — М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. — 621 с.

7. История II Ватиканского собора: В 5 т. — Т. V. Собор — поворотный момент в истории Церкви / Под. общ. ред. Дж. Альбериги, А. Бодрова, А. Зубова. — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. — 882 с.

8. Катехизис Католической Церкви. — М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002. — 813 с.

9. Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Опыт исторического анализа / Пер. с польск. А. В. Гура. — Люблин: Издательство Святого Креста, 1994. — 480 с.

10. Сардарян Г. Т. Западно-христианские идейно-теоретические основы становления и развития республиканизма: дис. ... д-р полит. наук: 23.00.01. — М., 2019. — 435 с.

11. Фолиева Т. А. II Ватиканский собор и социальная доктрина католической церкви в оценке советских религиоведов // Вестник ПСТГУ. — Серия 1: Богословие. Философия. — 2013. — № 4 (48). — С. 89–100.

12. Хеффнер Й. Христианское социальное учение / Пер. с нем. М. Шиллер и В. Пенсенко. — М.: Культурно-просветительский Центр «Духовная Библиотека», 2004. — 323 с.

13. Benestad J. B. Church, State, and Society. An Introduction to Catholic Social Doctrine. — Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2011. — 500 p.

14. Beyer G. J. The Meaning of Solidarity in Catholic Social Teaching // Political Theology. — 2014. — Vol. 15. — № 1. — P. 7–25.

15. Catholicism and Religious Freedom: Contemporary Reflections on Vatican II's Declaration on Religious Liberty / Edited by K. L. Grasso and R. P. Hunt. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. — 225 p.

16. Coppa F. J. The Papacy in the Modern World: A Political History. — L.: Reaktion Books, 2014. — 304 p.

17. Gaillardetz R. R. Keys to the Council: Unlocking the Teaching of Vatican II. — Collegeville, Minnesota: Liturgical Press, 2012. — 195 p.

18. Handbook of Catholic Social Teaching. A Guide for Christians in the World Today / Ed. by M. Schlag. — Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2017. — 164 p.

19. John Paul II. Veritatis Splendor [Электронный ресурс] // The Holy See: [сайт]. — URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_06081993_veritatis-splendor.html. — Загл. с экрана. (дата обращения: 23.04.2022).

20. Jones P. A. A Model of Catholic Social Teaching: Assessing Policy Proposals // The Catholic Social Science Review. — 2010. — Vol. 15. — P. 283–296.

21. McCrudden C. Catholicism, Human Rights and the Public Sphere // International Journal of Public Theology. — 2011. — Vol. 5. — P. 331–351.

22. Murphy F. A. Globalization from Benedict XV to Benedict XVI: The “Astonishing Optimism” of Gaudium et Spes in a Missionary Context // Nova et Vetera / English Edition. — 2010. — Vol. 8. — № 2. — P. 395–424.

23. O'Malley J. W. What Happened at Vatican II. — Cambridge, Massachusetts, and London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2008. — 380 p.

24. Principles of Catholic Social Teaching / Ed. by D. A. Boileau. — Milwaukee: Marquette University Press, 1998. — 204 p.

25. Pursuing the Common Good: How Solidarity and Subsidiarity Can Work Together / Ed. by M. S. Archer and P. Donati. — Vatican City: The Pontifical Academy of Social Sciences, 2008. — 706 p.

26. Rowland T. Culture and the Thomist Tradition: After Vatican II. — L., N. Y.: Routledge, 2003. — 226 p.

27. Transnational Religion and Fading States / Ed. by S. H. Rudolph and J. Piscatori. — N. Y., L.: Routledge, 1997. — 291 p.

28. Universal Rights in a World of Diversity — The Case of Religious Freedom / Ed. by M. A. Glendon and H. F. Zacher. — Vatican City: The Pontifical Academy of Social Sciences, 2012. — 699 p.

29. Visioli M. The Catholic Church Tested for Confessionalism: The Vatican II Doctrinal Principles // *Journal of Law and Religion*. — 2018. — Vol. 33. — № 2. — P. 155–171.